

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПАРАДИГМЕ И СПОСОБАХ ЕЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья опубликована в сборнике: Науковий вісник Чернівецького університету. Серія «Філософія». – 2013. – Вип. 663-664. – С.10-19. (1 п.л.)

В статье на основании анализа определений парадигмы, сформулированных Т.Куном, предлагается к рассмотрению вариант дополнительного ракурса видения парадигмы, которую предлагается рассматривать как сверхсложное открытое саморегулирующееся человекокосмомерное терминологическое образование. Детально проясняются представления о сверхсложности, человекокосмомерности. Рассматриваются три возможных способа исследования парадигмальных проявлений: 1) именование; 2) изучение терминологического окружения парадигмы; 3) исследование терминологического фона проявляющейся парадигмы. Обсуждается вопрос о правомерности выражений «культурная парадигма», «философская парадигма». Широкое обращение к термину парадигма, наблюдаемое в современном культурном континууме, связывается с когнитивным поворотом и конвергентным трендом.

Ключевые термины: парадигма, человекогеомерность, человекокосмомерность, именование парадигмы, когнитивный поворот, конвергентный тренд, сложность

Л.Богата

РОЗДУМИ ПРО ПАРАДИГМУ ТА СПОСОБИ ЇЇ ДОСЛІДЖЕННЯ

У статті на підставі аналізу визначень парадигми, сформульованих Т.Куном, пропонується до розгляду варіант додаткового ракурсу бачення парадигми, яку пропонується розглядати як надскладне відкрите людинокосмовимірне термінологічне утворення, що саморегулюється. Детально прояснюються уявлення про надскладність, людинокосмовимірність. Розглядаються три можливі способи дослідження парадигмальних проявлень: 1) іменування; 2) вивчення термінологічного оточення парадигми; 3) дослідження термінологічного фону парадигми. Обговорюється питання про правомірність виразів «культурна парадигма», «філософська парадигма». Широке звернення до терміну парадигма, яке спостерігається в сучасному культурному континуумі, зв'язується з когнітивним поворотом і конвергентним трендом.

Ключові терміни: парадигма, людиногеовимірність, людинокосмовимірність, іменування парадигми, когнітивний поворот, конвергентний тренд, складність

L. Bogataya

REFLECTIONS ABOUT THE PARADIGM AND WAYS OF ITS RESEARCH

In the article on the basis of the analysis of the definitions of paradigm formulated by T.Kuhn, it is proposed to consider the option of additional angle of vision paradigm, which is proposed to be regarded as a complexity self-regulating open spacepeopledimensional terminological formation. Details become clearer idea of the super complex, spacepeopledimensional. We consider three possible ways paradigmatic manifestation of the study: 1) naming of the paradigm; 2) the study of the terminology surrounding the paradigm; 3) the study of terminological background manifested paradigm. The question of the legality of the expressions "cultural paradigm", "philosophical paradigm" is discussed. The wide appeal of the

term paradigm observed in the modern cultural continuum associated with the cognitive turn and convergent trend.

Key words: *paradigm, geopeopledimensional, spacepeopledimensional, naming of the paradigm, cognitive turn, convergent trend, complexity*

Употребления слова парадигма в последнее время стало настолько частым, что возникает очевидный вопрос: в чем причина подобного феномена? Почему термин, сформировавшийся первоначально в недрах научного знания, стал столь широко востребован в текстах совершенно различной природы? Можно ли говорить о существовании гуманитарной парадигмы? Как следует именовать современную парадигму? К сожалению, дать ответы на поставленные вопросы становится практически невозможно без более глубокого осмысления того, **что именно** обозначается столь распространенным термином. Попыткам более глубокого прояснения природы парадигмы и посвящена данная публикация. Возникновению представленного текста, во многом, способствовало знакомство с монографией одесского философа А.И.Афанасьева [1], в которой осуществляется попытка прояснения понятий гуманитарное знание, гуманитарные науки, гуманитаристика и в ходе предпринятых исследований особое внимание уделяется обсуждению вопроса о гуманитарной парадигме и ее роли в формировании гуманитарного знания. Многое, из отмеченного А.И.Афанасьевым, кажется весьма интересным, но некоторые спорные моменты стимулировали проведение более детальных осмыслений.

Парадигма и ее переопределение

Вероятно, самому Томасу Куну сложно было предположить, какое широкое распространение получит веденный им, применительно к методологии науки, термин. Сегодня обнаруживаются многочисленные упоминания о *культурной парадигме, гуманитарной парадигме, философской парадигме, образовательной парадигме*. При этом возникает естественный вопрос о правомерности подобных терминологических выражений.

Этимологические погружения в историю слова парадигма мало что проясняют. Греческое *παράδειγμα* актуализирует терминологический ряд *пример, модель, образец*. Однако анализ элементов этого ряда мало способствует фундаментальным прояснениям.

Если же попытаться обратиться к текстам законодателя моды на употребление термина парадигма – Т.Куна, то вниманию предстают достаточно хорошо известные формулы:

1. «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [10, с.17].

2. Парадигма есть *система предписаний* [10, с. 29]; «предписания, управляющие нормальной наукой, определяют не только те виды сущностей, которые включает в себя универсум, но, неявным образом, и то, чего в нем нет» [10, с. 30].

Уже на основании двух этих утверждений можно попытаться расширить существующие толкования парадигмы.

Из того, что парадигма это **признанные всеми научные достижения** вытекает, что она предстает неким статистическим феноменом, результатом вторичной рефлексии, осуществляемой учеными по отношению к своим же исследованиям (рефлексиям первичным). Иначе - парадигма является продуктом *коллективного разума, коллективного сознания*, которые просматриваются у Куна под именем *научные сообщества*. Таким образом, еще в шестидесятых годах прошлого столетия, благодаря представлению о *парадигме* косвенно актуализировались размышления о некой **коллективной исследовательской «протоформе»**, которая, с одной стороны, формируется в результате деятельности научного сообщества, с другой, формирует и направляет эту исследовательскую активность. Толкуемая таким образом парадигма вызывает достаточно

очевидную ассоциацию с «параметрами порядка», возникающими в процессе развития сложных открытых нелинейных систем, исследуемых в рамках синергетического подхода.

Важно подчеркнуть, что весь двадцатый век был ознаменован практическими и теоретическими освоениями идеи **коллективизма**: создание коммунистических государств, партий, коммун, формирование коллективных органов управления – ООН, ... Первые две трети двадцатого века европейская гуманитаристика развивалась, с одной стороны, в ходе переваривания идеи **коллективного бессознательного**, с другой – в различных практиках ассимиляции идей **марксизма**. В традиционных же науках на месте **коллективного бессознательного** оказался **сознательный коллективный выбор**, сознательное вероятностное взвешивание, зафиксированное именем **парадигма**.

Если теперь в выражении *признанные всеми научные достижения* акцент переставить на последнее словосочетание, то обнаруживается причина современных осложнений с толкованием парадигмы.

Действительно, что следует понимать под словосочетанием **научные достижения**? Является ли это выражение проясненным в гносеологическом или эпистемологическом плане? На первый взгляд, создается впечатление, что никакой проблемы тут нет. Научные достижения – это общепринятые *теории, концепции, подходы* (в смысле С.Б.Крымского [9]), *методы*, сформировавшиеся в рамках этих подходов. Но если так, то употребление выражений *гуманитарная парадигма (парадигма гуманитаристики)* или *философская парадигма* едва ли является правомерным, ибо ни гуманитаристика, ни философия, чаще всего, не оформляет результаты своих исследований в форме строгих теорий или концепций (в данном случае под *гуманитаристикой* понимается то, что остается после вычитания *гуманитарных наук* из общей совокупности *гуманитарных исследований*).

Но, с другой стороны, возможно и более широкое толкование словосочетания *научные достижения*, за счет включения в уже обозначенный ряд – *ключевых научных концептов и представлений*. При таком расширенном толковании оказываются возможными словосочетания *гуманитарная парадигма, культурная парадигма, философская парадигма* (о философской парадигме ниже речь будет идти особо).

И, наконец, еще раз возвращаясь к словосочетанию **признанные всеми научные достижения** обнаруживается, что это утверждение само по себе несет проблему (а может, и наоборот: именно в такой формулировке это утверждение является жизнеспособным). Речь идет о следующем: совершенно очевидна иллюзорность, невозможность чего-либо быть «признанным всеми», ибо всегда найдутся те, кто не признают, к примеру, «общепризнанную теорию». Следовательно, куновская *формула 1. допускает существование* или даже *декларирует существование* того, что можно именовать *а-парадигмальным*. На первый взгляд, возникает вопрос: что конструктивного может быть в подобном утверждении? Определенную ясность может внести рассмотрение *формулы 2*.

Парадигма есть *система предписаний* [10, с. 29]; «предписания, управляющие нормальной наукой, определяют не только те виды сущностей, которые включает в себя универсум, но, неявным образом, и то, чего в нем нет» [10, с. 30]. Представленное выражение содержит в себе несколько интересных для толкования моментов.

Момент первый. Само слово «предписание» (у Куна – «commitments» рус. *обязательство, приверженность*).

Если задуматься по поводу устройства русского слова *пред-писание*, то, фактически, это *то, что предшествует писанному*, некий *неписанный закон*, который бывает сильнее настоящего закона (вспоминается история из жизни русского купечества: в далекие времена, когда еще не существовало нотариальных контор, купцы скрепляли свои соглашения в храмах. Слово, произнесенное в Храме, обретало силу Закона, при этом – неписанного закона). *Предписание* – это то, что сильнее записанного. Предписание **неукоснительно** к исполнению, это своеобразный Закон закона (опять же, возникает ассоциация с параметром порядка). С другой стороны, предписание это то, что существует до записи слова. Но тогда, чем же является предписание?

Момент второй. Чрезвычайно интересным кажется и употребленный Куном термин *универсум*. Казалось бы, в подобном выражении можно было бы сказать «*виды сущностей, которые включает в себя окружающий мир*». Но сказано, не *мир*, а *универсум*. Сложно утверждать без проведения специальных исследований, каких именно взглядов на *универсум* придерживался Т.Кун, но если предположить, что ему были близки позиции Лейбница, рассматривавшего *универсум* как множество всех возможных миров, из которых только один мир реален, остальные миры предстают логически возможными, то появляется ключ к прояснению третьего, наиболее сложного момента

Момент третий. Кун говорит: «не только те виды сущностей, которые включает в себя универсум, но, неявным образом, и *то, чего в нем нет*» [10, с.30]. Но, что означает загадочное выражение «*неявным образом, и то, чего в нем нет*»? Не делается ли подобным высказыванием намек на необходимость еще одного онтологического прорыва: привычной европейскому сознанию связке «мир-универсум» подбрасывается мысль о необходимости расширения универсума. Ведь «то, чего нет в универсуме», должно *где-то* быть? Тогда как следует именовать это *где-то* и как оно соотносится с универсумом? И далее: что это за *сущности*, которых нет в универсуме, и благодаря которым создаются предписания, управляющие нормальной наукой? («предписания, управляющие нормальной наукой, определяют не только те виды сущностей, которые включает в себя универсум, но, неявным образом, и то, чего в нем нет»). В этой связи вспоминаются удивительно близкие рассуждения об *иерархической структуре* и особенностях функционирования ее элементов, принадлежащие Альфреду Кастлеру, лауреату Нобелевской премии по физике (1966 год). Концепция *холона*, предложенная А. Кастлером в работе «The Ghost in the Machine?», достаточно подробно анализировалась В.И. Аршиновым, переводившим на русский язык фрагменты кастлеровского текста [1]. По поводу *холона* Кастлер пишет: «Мы находим промежуточные структуры на последовательности уровней в восходящем порядке сложности, каждая из которых имеет два лица, смотрящих в противоположных направлениях; обращенное к нижнему уровню выглядит как нечто целое, автономное, обращенное вверх – как зависимая часть.... Я предложил термин «холон» для этих янусоподобных подансамблей – от греческого *холос* – целое с суффиксом *он* (протон, нейтрон), предполагающим частицу, или часть» [1, с. 72]. Кастлер подчеркивает, что «холон есть открытая, саморегулирующаяся система, управляемая набором фиксированных правил, которые предлагается назвать канонам холона» [1, с. 72]. Не являются ли *предписания*, управляющие наукой, в какой-то мере подобными кастлеровским *холонам*? Но если так, то по поводу парадигмы, понимаемой как *системы предписаний*, достаточно естественно выдвинуть следующее гипотетическое утверждение.

Сама по себе **парадигма** является *сверхсложным открытым саморегулирующимся человекокосмомерным* образованием.

Это утверждение может рассматриваться, с одной стороны, как *дополнительное* по отношению к сложившимся в философии науки определениям парадигмы, с другой – как определение, задающее принципиально иной исследовательский ракурс.

Зафиксированная формула требует специальных прояснений терминов *сверхсложная система* и *человекокосмомерность*.

Сверхсложная или сложностная система

Фундаментальные интуиции по поводу *усложняющейся сложности* (или, как говорит В.И.Аршинов «изошренной сложности») можно обнаружить уже в ставшем классическим тексте «Порядок из хаоса», написанном И.Пригожиным в соавторстве с И. Стенгерс. В самом начале работы авторы отмечают следующее: «Наше видение природы претерпевает радикальные изменения в сторону множественности, темпоральности и

сложности» [13, с. 34]. Сложность, тем самым, предстает не единственным объектом достойным исследовательского внимания, а дополняется *темпоральностью* и *множественностью*.

Современные представления о *сверхсложности* (*усложняющейся сложности, сложностности*) развиваются в направлении понимания сверхсложного как того, что включает одновременно познаваемую реальность и самого познающего субъекта. Помимо этого, подчеркивается, что *сложностность* обнаруживается там, где имеет место непрерывная процессуальность. Э. Морен по этому поводу замечает следующее: «Перед нами стоит проблема реальности – комплексной, проявляющейся во множестве форм, неопределенной, находящейся в процессе становления» [12, с. 91]. Предметом исследования в сверхсложных открытых саморегулирующихся системах становятся процессы развития этих систем, процессы, происходящие в результате тесного сопряжения *познаваемого* и *сложностного* познающего субъекта.

Обращение к *усложняющейся сложности* актуализирует представления о сложностном мышлении. Я.И.Свирский, переводчик книги Ж.Делеза и Ф.Гваттари «Тысяча плато» на русский язык, отмечает, что *сложностное мышление*, развиваемое отмеченными авторами, ориентировано на «схватывание той динамики (часто именуемой термином «становление»), которая со все большей очевидностью проникает во все поры как социальной жизни, так и психического или физического существования человека» [5, с. 689]. В текстах Делеза и Гваттари *сложностное мышление* связано с представлениями: а) о *плато*, на котором одномоментно представлены различные исследовательские линии, являющие собою сложную *ризоматическую* вязь; б) о *планах констистенции и имманенции*; в) о *процессах сборки*, с помощью которых осуществляются мгновенные остановки сложностных мыслительных актов.

Сложностность актуализирует проблему непрерывно меняющегося *познающего субъекта* – *наблюдателя сложностности* (эта тема активно развивается в работах В.И.Аршинова).

Человекокосмомерность

Значение зафиксированного термина станет понятнее, если его рассматривать в контексте с ближайшими терминами – *человекомерность* и *человекогеомерность*.

Понятие *человекомерности* широко развивалось В.С. Степиным. Что же касается термина *человекогеомерность*, то он прояснялся в работе [3]. Основные соображения, аргументирующие целесообразность подобного нововведения, сводятся к следующему.

Рассматриваемое слово составлено из трех слов: *человек-космос-мерность*.

Термин *мерность* требует дополнительных пояснений.

Традиционные старорусские единицы измерения – *вершок*, *аршин* (16 вершков), *сажень* (3 аршина), *локоть* соотносились с той или иной частью человеческого тела (вершок – длина основной фаланги указательного пальца). Таким образом, измеряемое становилось человекосоразмерным, *человекомерным*. «Человекомерную» природу имеют и первые единицы измерения длины у других народов, к примеру, дюйм, фут (от голландского слова *Duim*, что буквально означает большой палец. 1 дюйм=1/12 фута). Эволюция измерительных процедур привела к тому, что в качестве единицы измерения выбирались величины, соразмерные уже с той или иной частью *земного* меридиана. Именно такими единицами измерения является метр, морская миля, лье,..Первоначально (Франция, 1791) метр был определен как одна десятиmillionная часть расстояния от северного полюса до экватора по поверхности земного эллипсоида на долготе Парижа; одна морская миля, соответственно, длина дуги большого круга на поверхности земного шара размером в одну угловую минут. Выбор *метра* в качестве единицы длины позволило сделать измерительную процедуру более точной, не зависящей от индивидуальных особенностей человека. Переход к метрической системе был осуществлен 20 мая 1875 года, когда семнадцать стран подписали Метрическую конвенцию. Именно эту дату можно рассматривать как своеобразный шаг по пути закрепления *геомерности* (планетарной

соразмерности). Тем самым, **человекомерность** дополненная **геомерностью**, в своем единстве образовали ситуацию своеобразной **двумерности** или **человекогеомерности**.

Мерность непосредственно связана с **измеряющим субъектом**, с особенностями его онтологического развертывания. Одномерный человек соизмеряет окружающий мир только с собой, с частями своего тела. Человек двумерный осознает в этом мире и планету, на которой он живет. В своих измерительных процессах он использует и развивает **человекогеомерность**. Выход же человека в космос, вначале мысленное, а затем и практическое, освоение комических пространств, ведет к формированию новых единиц измерения, таких, к примеру, как **параллакс** (угол, под которым со светила виден экваториальный радиус Земли), **парсек** («**параллакс угловой секунды**», обозначающий расстояние до объекта, годичный параллакс которого равен одной угловой секунде). Таким образом человек, осваивающий космос, соотносит измеряемое не только с собой, Землей, но и с другими космическими объектами, становясь при этом **человекокосмомерным**.

Своеобразным подтверждением развивающейся **человекокосмомерности** является одна из последних фундаментальных работ Славоя Жижека, которая называется «Устройство разрыва. Параллаксное видение». Идея параллаксного видения удивительна близка идеям **многомерного мышления** [3] и **трансверсального разума** (соответствующее представление развивается в работах современного немецкого философа В.Вельша [4]). Интересно то, что при помощи термина **параллакс**, введенного для исследования космических объектов, Жижек пытается объяснить особенности человеческих познавательных практик.

Измеряющий и измеряемое оказываются взаимосопряженными, включенными в процесс непрерывного взаимовлияющего трансформирования. Используя, к примеру, метр в качестве единицы измерения длины, человек в своих измерениях мира уже соотносит его не только с самим собой, но и с планетой (определенной ее частью), сам при этом становясь **человекопланетомерным** (**человекогеомерным**). Переживания **человекопланетомерности** приводят к глобальным внутренним трансформациям, и, соответственно, к трансформациям, происходящим во внешнем социальном окружении. Глобальный человек – **человекопланетомерен**. Глобализм является естественным результатом освоения **человекопланетомерности**.

Развертывание представленного определения парадигмы

После всех проведенных прояснений возникает закономерный вопрос: какова польза от определения парадигмы как **сверхсложного открытого саморегулирующегося человекокосмомерного** образования? Главные результаты можно эксплицировать следующим образом.

1. Парадигма – это **след** (текущий, всегда изменяющийся) онтологического развертывания человечества. Парадигма есть своеобразный «управляющий кокон», в который погружено человечество, «специфическая среда» направляющая его становление.

2. Парадигма – плод коллективной **творческой активности** человечества.

3. Парадигма сущностно отличается от привычных для человеческого познания объектов окружающего мира. Главное отличие состоит в том, что, с одной стороны, парадигма проявляется в результате творческой активности научного сообщества, Но, с другой стороны, (подобно *холону*) парадигма формируется под влиянием универсума и чего-то еще – **сверхуниверсумного**, что пока еще сложно помыслить. Парадигма схватывает не то, что **есть** в мирах, а то, что обнаруживается как результат мирового и, как минимум, универсумного взаимодействия (синергии). Размышления о парадигме актуализируют представления о **протомировой среде** (прото – от др.-греч. πρῶτος означающего «первый»). В каком-то смысле, универсумная среда предшествует мировым средам (к сожалению, глагол *предшествует* в данном случае не является особо удачным,

ибо для соотнесения *универсумного* и *мирового*, скорее всего, следует пересматривать традиционные представления о причинности).

4. *Текучесть* – принципиальная особенность существования парадигмы.

Можно предположить, что глубинное предчувствие универсумных влияний хорошо знакомо человечеству. Оно отражено и в образе мифологического морского существа Протея, способного к непрерывным изменениям, и в развиваемой Гераклитом идее текущесть.

Продумывание положения о принципиальной текущесть парадигмы приводит к мысли о возникновении определенных противоречий с куновскими рассуждениями о научных революциях, предопределяемых парадигмальными скачками. Возникает естественный вопрос: какой скачок может произойти в том, что принципиально текуче? Однако это противоречие может быть легко устранено, если, опять же, обратиться к куновской формуле 2, согласно которой: «предписания, управляющие нормальной наукой, определяют не только те виды сущностей, которые включает в себя универсум, но, неявным образом, и то, чего в нем нет» [10, с. 30]. Но если речь идет о сущностях, которых нет в универсуме, то, как уже отмечалось выше, естественно предположить их существование в том, что универсумом не является. Из отмеченного возникает основание для следующего предположения: универсумные влияния на процессы, происходящие в проявленных мирах, парадигмально фиксируются и обуславливают текучесть парадигмы. Что же касается *сверхуниверсумных* манифестаций (влияний со стороны тех «сущностей», которых в универсуме нет), то эти влияния и могут определять **фундаментальные** парадигмальные изменения, **парадигмальные скачки** (важно подчеркнуть, что «сверхуниверсумное нечто» вовсе не следует мыслить как нечто **трансцендентное**. Его нынешняя непроявленность – лишь следствие существующего уровня онтологического развертывания человечества. Исследования парадигмальных скачков и дают возможность направить внимание (настроиться в своих интенциях) на это «сверхуниверсумное нечто»).

Представленный вариант прочтения куновской формулы 2 может показаться в определенной мере некорректным, потому что «сущностями, которых нет в универсуме» вполне могут быть и сущности проявленных миров (опять же, возникает ассоциация с холоном). Тогда получается, что *мировые сущности*, взаимодействуя (лучше – **взаимосодействуя**) с *универсумными* и предопределяют парадигмальные изменения.

Видится, что к рассмотрению целесообразно принять оба варианта толкования куновской формулы 2. И только их последующее осмысление даст возможность осуществить исследовательские предпочтения.

Практика наблюдения парадигмы

Использование в названии подзаголовка существительного «*наблюдение*», вместо более привычного термина «*исследование*» кажется достаточно принципиальным. *Исследовать* можно объекты мировой проявленности, то же, что позиционировано универсумно (*сверхуниверсумно*), можно, скорее, *наблюдать*.

Несмотря на то, что наблюдения является достаточно изученным инструментом научных исследований, в данном случае появляется возможность расширения и углубления понимания того, как следует понимать соответствующую операцию.

Естественно предположить, что в практику наблюдения входит процедура *схватывания*, достаточно подробно прояснявшаяся в рамках феноменологической традиции, да и не только там. Ж.Делез и Ф. Гваттари, к примеру, пытались рассуждать о том, что происходит до схватывания, вводя представления о *плане имманенции* и *плане консистенции* ([6]). Схватывание заканчивается *именованием* схваченного в ходе сознательного акта («вылавливанием концептов»). Процедурой именования наблюдение обращается к языку, его познавательным возможностям. Именованное и предстает объектом для последующих интенций. Однако тут есть своеобразная опасность: исследование именованного это есть уже своеобразная *мировая практика*, доименное же

наблюдение – *практика мирово-универсумно-сверхуниверсумного взаимодействия*. Такое *доименное* наблюдение традиционно связывается с практиками функционирования *сознания*. Появление же имени актуализирует процессы *мышления*.

Именованное парадигмы

Из отмеченного выше вытекает, что *именование* парадигмы предстает первой практикой ее мирового *исследования*.

В современном интеллектуальном континууме зафиксировались многие выражения, с помощью которых закреплялись названия современной парадигмы, это и – *лазерная парадигма* (Г.Хакен), *голографическая парадигма* (Д.Бом), *коммуникативная парадигма* (Ю.Хабермас, В.И.Аршинов), *синергетическая парадигма* (разработкой которой занимались очень многие авторы), *сетевая парадигма* (М.Кастельс), *парадигма антропологического размыкания* (С.С.Хоружий), *информационная парадигма*. Некоторые из этих именованных стали уже определенной историей, некоторые же претендуют на отражение самых современных тенденций. В связи с отмеченным возникает очень важный вопрос: что в исследовательском плане дает именование парадигмы? Что следует за соответствующей практикой исследования парадигмы?

Элементарное наблюдение за тем, как откликается научное сообщество на введение очередного имени для парадигмы, позволяет обратить внимание на два очень значимых в исследовательском плане последующих действия.

Имя парадигмы являет собой некий «компакт», представленный набором букв. На первый взгляд, подобное утверждение кажется полнейшей бессмыслицей, ибо – из чего же может состоять слово, как не из букв? Однако если на отмеченное посмотреть с точки зрения (в контексте) современных нанотехнологических представлений, то обнаруживается следующее.

Эра нанотехнологий открывает перед человеком возможность более глубокого уровня управления материей, создания новых атомарных композиций, которые не существовали ранее в окружающей природной среде. Если перейти к терминологии, которая была представлена выше, то можно выразиться так: на мировом уровне своей актуализации человек использует элементы той материи, которую ему предоставляет планета. Тем самым проявляется *человекогеомерный* способ мирового развертывания. Однако проявление способностей конституирования с помощью нанотехнологий той материи, которой нет в окружающей планетарной среде, приводит к тому, что человек выходит на универсумный (более высокий по сравнению с мировым) уровень своего развертывания, проявляя *человекокосмомерность*. При этом открываются и новые качественные возможности по отношению к использованию языка. Человек активно включается в *переконструирование* слов. В качестве примера можно привести очень интересную ситуацию параллельного существования в русском языке слов *сложность* и *сложностность*. Введение нескольких букв, которые принципиально меняют значение слова, с одной стороны, пример освоения **вербальных «нано» технологий**, с другой, – подтверждение того, что искусство бывает значительно более чувствительно к фундаментальным парадигмальным подвижкам, нежели наука (подтверждением сказанному могут быть опыты по трансформации слов, проводимые русскими футуристами в начале XX века).

Именованное парадигмы является своеобразной терминологической **провокацией**, за которой следует осмысление произошедшей манифестации. Обнаруживаются, как минимум, на два направления подобных осмыслений.

1. Имя парадигмы включает своеобразное *терминологическое поле*, в котором начинают всплывать (пахтаться) ключевые термины (*терминологическое окружение парадигмы*). Интенции по поводу этих терминов, возникающих терминологических связей способствуют их *концептуальному развертыванию* (превращению терминов в концепты). Этот процесс можно считать наряду с *именованием* еще одним направлением исследования парадигмы.

Элементарный пример: размышления о *сложностной парадигме* актуализируют развитие представлений о *сложностном наблюдателе*.

2. Параллельно с *ключевыми терминами*, окружающими имя новой парадигмы, формируется и «*маргинальное терминологическое окружение*» (или иначе – термины парадигмального фона). К ряду этих терминов следует отнести слова, которые возникают, казалось бы, случайно, внимание на их значениях не акцентируется, но достаточно естественно предположить, что именно эти слова во многом ответственны за *переключение* имени парадигмы, за рассасывание устойчивых терминологических связностей, возникающей вокруг соответствующего имени. Ключевые термины способствуют проявления некой парадигмальной конструкции, предопределяющей процессы парадигмального становления. Однако этот этап парадигмальных исследований пока достаточно сложен для прояснений.

Из отмеченного можно заключить, что три представленных варианта исследовательской деятельности – *именование парадигмы, обнаружение ключевого терминологического окружения имени парадигмы, обнаружение фоновых терминов, окружающих имя парадигмы*, представляют собой важнейшие направления изучения становящейся парадигмы.

О правомерности выражений «философская парадигма», «культурная парадигма»

Представленные выше рассуждения позволяют оценить степень правомерности использования выражений «философская парадигма», «культурная парадигма».

Из того, что схватывание заканчивается *именованием* («вылавливанием концептов») может последовать скороспелый и неверный вывод: если, с одной стороны, вылавливание концептов (равно как и составление планов имманенции и консистенции) суто философский вид деятельности (опять же, согласно Делезу/Гваттари), с другой стороны, эти же операции осуществляются в ходе наблюдения парадигмы, то выражение «философская парадигма» имеет право на существование. К сожалению, с подобным утверждением, скорее всего, нельзя согласиться. Когда мы говорим о «научной», «культурной» «философской» парадигмах, то с помощью эти словосочетаний в языке происходит своеобразное переключение: от *наблюдений за становящимся* (формирующейся парадигмой) мы переключаемся к *исследованию схваченного*. Можно сказать и так: универсумные *наблюдения* переключаются на *мировые исследования*, связанные с изучением проявленных в окружающем мире сущностей. Философ призван заниматься наблюдением за процессами становления парадигмы. И философ перестает быть философом, если попадает под влияние какой-либо парадигмы (не об этом ли в свое время говорил Бэкон?). По этой же причине употребление словосочетания «философская парадигма» является не совсем корректным. Философ, «взламывая» любые застывшие парадигмальные формы, пытается постигнуть причины (законы) парадигмальных манифестаций.

Что же касается выражения «культурная парадигма», то тут все не так просто. С одной стороны, культура включает в себя науку (да и процессы культуросмыслений осуществляются, отчасти, научными методами, что ведет к очевидным влияниям существующей научной парадигмы). С другой стороны, культура предстает результатом творческой деятельности человека в самом широком смысле этого слова. Деятельность в сфере самых различных искусств, в лучших ее образцах, это, чаще всего, надпарадигмальный уровень освоения мира. Автор этих строк хорошо понимает, что подобные утверждения требуют более серьезных прояснений. К сожалению, рамки публикации не позволяют осуществить соответствующую работу. Можно лишь ограничиться одним примером-вопросом: Что изображено на большей части полотен Василия Кандинского и почему картины, представляющие то, чему весьма сложно найти аналог в окружающем человека мире, так настойчиво привлекают внимание зрителей? Или:

что пытался ухватить в своих текстах Ж.Деррида? Не то ли, что стоит за языком, направляя его проявленности?

Тем самым, выражение «культурная парадигма» лишь отчасти можно считать правомерным.

Но тогда неразрешенным остается вопрос: почему в современном культурном континууме так настойчиво актуализируются словоупотребления – «культурная парадигма», «философская парадигма», «научная парадигма», «образовательная парадигма»...

Когнитивный поворот или конвергентный тренд?

Среди многочисленных «поворотов», о которых рассуждают в последнее время («визуального», «языкового», «культурного», «гуманитарного»,...), обнаруживаются упоминания и о **когнитивном** повороте. Самое обилие «поворотов» кажется вполне понятным. Фундаментальный культурный «сдвиг», который переживает современное человечество, и о котором, в свое время, писал Э.Ласло [11], проявляет себя многочисленными поворотами. По этим поворотам, как по направлению наиболее очевидных трещин, разломов в тектонических плитах, можно отслеживать глобальных характер фундаментальных трансформаций, происходящих буквально на наших глазах.

Что же собой представляет в самых общих чертах *когнитивный поворот*?

В кратком словаре когнитивных терминов [7] **когнитивная революция**, **когнитивный поворот** (*cognitive revolution, cognitive turn*) связывают со сменой научной парадигмы, ширящейся междисциплинарностью, и главное – с распространением «общей тенденции к интерпретативному подходу в различных дисциплинах. Это стремление выявить механизмы интерпретации человеком мира и себя в мире» [7, с. 73]. Термин когнитивность происходит от латинского слова *cognitio*, что означает *познание, изучение, осознание*. *Когнитивное исследование* направленно на познание, осознание того, как происходит то или иное интеллектуальное действие.

Когнитивный поворот был предопределен двумя объективными факторами. С одной стороны, задачами создания *компьютерного интеллекта*, все более мощных *компьютерных систем, робототехники*. Подобные задачи стимулировали процесс познания того, как совершает свои действия человек. Последовательная саморефлексия оказалась вынужденной. С другой стороны, развитие когнитологии можно рассматривать как своеобразную реакцию на усложнения, происходящие в недрах самой философии. Попытки преодоления философами *психологизма, позитивизма*, полезные сами по себе для развития философии, способствовали увеличению своеобразного *барьера отчуждения* между философией и науками, направленными на получение конкретных прагматических результатов. Когнитология, отчасти, повторяет путь психологии, социологии, политологии,.. Отделившись от философии, от ее все более усложняющегося исследовательского аппарата, когнитология сосредотачивает усилия на решение менее глобальных, но более важных для повседневной жизни человека задач. Когнитология фиксирует внимание на процессах познания, мышления, не слишком озадачивается вопросами о том, что есть *мышление* и *мысль* в самом широком смысле этих терминов. Подобные сложные вопрошания остаются уделом философов. Вполне закономерно, что когнитология, позиционируя себя уже не как философское ответвление, а как научная дисциплина, активно вооружалась методологическими новациями науки. И как результат – широкое обращение к очень важному термину современной научной методологии – *парадигме*.

Еще раз, возвращаясь к определению когнитивного поворота, данному в словаре, интересно подчеркнуть следующее. *Когнитология*, несмотря на то, что есть попытки ее рассмотрения в качестве отдельной научной дисциплины, все же является проявлением междисциплинарных тенденций, выражающихся в своеобразном «*надстраивании*» или «*пристраивании*» когнитологических интересов к лингвистике, психологии, информатике,.. Когнитология как бы «растекается» по всему научному полю, обнаруживая

в различных дисциплинах свои интересы, проявляя тем самым свою генетическую близость к философии, для которой подобная «наддисциплинарность» вполне обычное явление. Представленные рассуждения позволяют перебросить неожиданный мостик от *когнитологии, когнитивного поворота* к **конвергентным тенденциям**.

Возникает достаточно естественный вопрос: что происходит в результате прививок когнитологии к психологии, лингвистике, искусствознанию, культурологии...? Очевидным и естественным результатом подобного сближения является *конвергенция* соответствующих дисциплин. Когнитология, с одной стороны, связанная с философией, с другой – со многими прикладными науками, осуществляет своеобразное «сшивание», сближение философии и наук, проявляя, тем самым, конвергентные тренды. Элементарным результатом подобного связывания видится активная терминологическая диффузия, под которой естественно мыслить перенос специальных терминов из одной дисциплинарной сферы в другую. Результатом отмеченного дрейфа и оказывается широкое употребление слова парадигма в самых различных дисциплинарных областях. На языке философии можно было бы сказать, что терминологическая диффузия ведет к формированию и выявлению общенаучных категорий.

Представленные в данном тексте рассуждения можно обобщить следующим образом.

1. В качестве определенного развития представлений о парадигме можно предложить следующий вариант ее дополнительного определения: **парадигма** предстает *сверхсложным открытым саморегулирующимся человекокосмомерным терминологическим образованием*.

2. В исследованиях парадигмы обнаруживаются три важнейших направления:

1. Именованье, а затем и изучение имени парадигмы.
2. Исследование ключевых терминов формирующейся парадигмы (*терминологического окружение имени парадигмы*).
3. Изучение терминологического фона, сопровождающего обсуждение имени парадигмы.

3. Широкое употребление термина парадигма в современном культурном континууме можно считать, с одной стороны, отражением совершающегося *когнитивного поворота*, с другой – результатом усиливающегося конвергентного тренда.

1. Аршинов В.И. Об иерархии // Некоторые проблемы диалектики. – Вып. VII. Программно-методические материалы в помощь философским семинарам АН СССР, – М.: ИФАН, 1973. Афанасьев А.И. Гуманитарное знание и гуманитарные науки: моногр. / А.И. Афанасьев. – О.: Бахва, 2013. – 288 с.

3. Богатая Л.Н. Проблематизация темы мышления / Философия мышления : [сборник статей] / ред. кол. Л.Н. Богатая, И.С. Добронравова, Ф.В. Лазарев; отв. Ред. Богатая Л.Н. – Одесса : Печатный дом, 2013. – 444 с. – С. 163-195.

4. Вельш В. Наш постмодерний модерн / Пер. з нім. А.Л. Богачова, М.Д. Култаєвої, Л.А. Ситніченко – К.: Альтерпрес, 2004. – 328 с. – («Сучасна гуманітарна бібліотека»).

5. Делез Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Жиль Делез, Феликс Гваттари; пер. с франц. и послесл. Я.И. Свирского; науч. Ред. В.Ю. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.

6. Делез Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари; [пер. с франц. и послесл. С. Н. Зенкина]. – СПб. : Алетейя, 1998. – 288 с.

7. Демьянков В.З., Кубрякова Е.С. Когнитивная революция, когнитивный поворот // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г.,

Лузина Л.Г. Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С.72-73.

8.Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. – М.: Издательство «Европа», 2008. – 516 с.

9.Крымский С. Экспликация философских смыслов / С. Крымский. – М.: Идея-Пресс, 2006. — 240 с.

10.Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун; [пер. с англ., сост. В.Ю. Кузнецов]. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605 с.

11.Ласло Э. Макросдвиг (К устойчивости мира курсом перемен) / Э. Ласло; [пер. с англ. Ю. А. Данилова]. – М. : Тайдекс Ко, 2004. – 208 с.

12.Морен Э. К пропасти? / Э. Морен; пер. с франц. Г. Наумовой. – СПб.: Алетейя, 2011. – 136 с. – (Gallicinium).

13.Пригожин И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс; [пер. с англ. Ю.А. Данилова]. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.